

Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII вѣка (по пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ екатерининскую комиссію для составленія новаго уложенія).

(Продолженіе ¹)

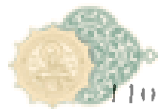
III. Гражданскія права духовенства (подати и повинности).

Настаивая на подтвержденіи шляхетскихъ правъ и привилегій, малороссійское духовенство старалось освободиться отъ различныхъ общественныхъ и государственныхъ повинностей, которыя приходилось ему нести. Въ этомъ отношеніи желаніе духовенства сводилось къ возвращенію къ его правамъ, наравнѣ со шляхетствомъ, предъ другими сословіями, т. е. кромѣ личной свободы отъ всѣхъ повинностей, были бы также объявлены свободными и принадлежащіи ему земли и имѣнія. По прежнимъ узаконеніямъ „церковныя и монастырскія имѣнія и вотчины, съ коихъ прежде надачи на церковь или монастыри служба военная не отправлялась, свободны были какъ отъ отправленія службы военной, такъ и отъ всякихъ общенародныхъ повинностей и податей, коимъ подлежатъ свѣтскихъ владѣльцевъ имѣнія или вотчины; исключеніе же церковныя монастырскія имѣнія или вотчины, съ коихъ прежде надачи на церковь или монастырь служба военная отправлялась, свободны только были отъ общенародныхъ повинностей и податей“²). Эти привилегіи распространялись и на монастырскихъ подданныхъ, селившихся на монастырскихъ земляхъ, они были освобождены отъ всевозможныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу государства³). Это привилегированное положеніе церковныхъ и монастырскихъ имѣній, по присоединеніи Малороссіи, было подтверждено и московскимъ правительствомъ царя Але-

¹ См. Труды Киевской дух. Академии, августъ, 1901 г.

² Ст. 469.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

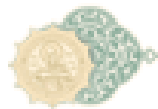
и сы Михайловича и Иоанна и Петра Алексѣевичей; въ статьяхъ 1695 года было указано: „съ мигрополичь-цхъ, архіепископскихъ и епископскихъ и монастырскихъ частностей и подданныхъ поборовъ и податей на войско“ не брать ¹⁾).

Такое привилегированное положеніе духовенства продолжалось до 1731 и 1732 годовъ, когда въ Малороссіи было поставлено на квартиры 10 драгунскихъ полковъ съ полевою аптекою. Изъ повинностей, связанныхъ съ постоемъ въ Малороссіи великорусскихъ войскъ, должна стоять на первомъ мѣстѣ постоянная повинность. Этой повинностью очень выгодною и приходское и монастырское духовенства, указание на нее встрѣчается во многихъ пунктахъ. По дѣйствующимъ литовско-польскимъ узаконеніямъ и по льготнымъ Петровскимъ указамъ 1721 и 1724 годовъ дворы духовенства, „гдѣ сами живутъ“, были объявлены свободными отъ военного постоя, наравнѣ съ „полковниками, сотниками и прочей полковой старшиной“ ²⁾. Но фактически духовенство не было свободно отъ квартирной повинности. Не смотря на вѣнчивательные и запретительные указы 1730, 1737, 1741 и 1746 годовъ, малороссійская старшина, желая какъ-нибудь развѣстить по квартирамъ великорусскую армію и увѣрившая въ своей безнаказанности, ни во что ставила царские указы и продолжала отводить дома священнослужителей подъ квартиры для войска ³⁾. Если къ старшинѣ духовенство представляло требованія о сведеніи постоевъ со дворовъ священнослужителей въ силу Петровскихъ и др. указовъ, то старшина, въ оправданіе своихъ дѣйствій, изобрѣла софистическое толкованіе этихъ указовъ, въ томъ именно смыслѣ, что ими запрещается постоя въ собственныхъ домахъ священнослужите-

¹⁾ Сб. стр. 469—470.

²⁾ Сб. стр. 411.

³⁾ Сб. стр. 411, 471, 567.

ен; а такъ какъ многіе священно-служители собственныхъ домовъ не имѣютъ, а живутъ въ наемныхъ квартирахъ, то командиры находили, что въ такихъ случаяхъ постоя не возбраняются¹⁾. Духовенство пространно рисуетъ картину всѣхъ неудобствъ и „разореній“, которыми сопровождался постоя военныхъ командъ. Квартиры часто занимаются временно солдатами, такъ что священно-служители принуждены бывать „по чужимъ избамъ и каморамъ жительства свои имѣть“²⁾. При этомъ постоя сопровождаются насиліемъ со стороны квартирующихъ: занимая священно-служительскіе дома, они мало церемонятся съ хозяйскимъ добромъ, позволяя себѣ „довольствоваться провіантомъ и фуражемъ“³⁾.

Отъ постоянной повинности не были свободны и монастырскія подворья по городамъ и селамъ, построенныя „для помощи изъ монастырей по монастырскимъ нуждамъ и квартирванія въ нихъ“. Не смотря на то, что эти подворья, по общимъ льготнымъ правиламъ, были свободны отъ квартирной повинности, и указано даже было указомъ Синода 1723 года за постоя и поклажу на тѣхъ подворьяхъ и за причиненныя поврежденія получать „настоящую цѣну изъ монастырскихъ доходовъ на счетъ штатсъ-комторы“, однако они не извѣтны были отъ постоя войскъ и отводились даже иногда подъ лазареты. Вслѣдствіе этого монастыри принуждены нести обильныя убытки. Монастырскія власти, пріѣзжая по своимъ нуждамъ въ монастырскія имѣнія и вогчины, принуждены бывать тратить на наемъ себѣ квартиръ въ чужихъ домахъ; кромѣ того, вслѣдствіе постоя, монастыри понесли расходовъ съ означенныхъ подворій, которыя обыкновенно ставались подъ квартиры⁴⁾.

— —

¹⁾ Тамъ же, стр. 541.²⁾ Тамъ же.³⁾ Тамъ же, стр. 571.⁴⁾ Тамъ же, стр. 495, 496, 562, 586, 596.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

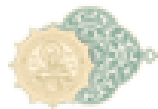
Ссылаясь на обременительность для духовенства военная постоевъ, оно и просило объ освобожденіи его домовъ отъ квартирной повинности¹⁾. Монастыри, съ своей стороны, вмѣстѣ съ просьбой объ освобожденіи отъ постоянной повинности монастырскихъ подворій²⁾, указывали и на обременительность постоя солдатъ для монастырскихъ подданныхъ, пронеходившую отъ злоупотребленія командировъ при отводѣ войскамъ квартиръ. Для урегулированія постоевъ указомъ Елизаветы Петровны определено было „генералитету, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ стоять въ квартирахъ по отводамъ отъ старшины и отъ ратунгъ“, при чемъ въ 1764 году была издана особая полковничья инструкция, излагавшая правила для отвода квартиръ подъ войска. Но эти правила рѣдко соблюдались. „Нынѣшнихъ временъ, говорятъ кievскіе пункты, военно-служащіе въ деревняхъ монастырскихъ сами собою квартиры занимаютъ и отъ мірскихъ взысканъ безъ всякаго въ монастыри увѣдомленія наслаждаются и становятся въ одномъ покоѣ не голыкимъ, какъ въ полковничьей инструкціи повелѣно, но многими числомъ и чрезъ то хозяева изъ тѣхъ покоевъ вытѣсняются“. При томъ же постоя постоянно сопровождаютъ всевозможными обидами для хозяевъ: „постойники, не довольствуясь, за силу той инструкціи, тепломъ и водою, тѣхъ хозяевъ принуждаютъ давать, чтобы для ихъ харчи, а для лошадей ихъ сѣно и овесъ выстатчили, а при томъ, что увидятъ и сами берутъ насильно“³⁾.

Слѣдующею, не менѣе обременительною повинностью, связанною съ постоемъ въ Малороссіи регулярныхъ войскъ, было обложеніе рублевымъ окладомъ монастырскихъ подданныхъ, подуслаковъ, работниковъ и всякаго званія служъ,

¹⁾ Сб стр. 414, 571, 577.

²⁾ Сб стр. 496, 563, 583, 596.

³⁾ Сб стр. 482.

двинувшихъ на земляхъ духовенства. Рублевый окладъ введенъ въ Малороссіи въ 1765 году Румянцевымъ. До этого времени содержаніе квартировавшихъ въ Малороссіи великорусскихъ войскъ производилось путемъ консистентскихъ дачъ, т. е. путемъ натурального продовольствія провіантомъ и фуражемъ. Такъ какъ натуральное продовольствіе консистентовъ, при злоупотребленіи великорусскихъ чиновниковъ, ложилось тяжелымъ бременемъ на населеніе Малороссіи и требовало настоятельнаго измѣненія, то Румянцевъ и замѣнивъ консистентскія дачи прямымъ налогомъ въ 1 руб. и 1 коп. съ каждой жилой хаты. Но этотъ нововозбръщенный налогъ создалъ массу новыхъ неудобствъ съ явнымъ осягопленіемъ крестьянъ и однихъ владельцевъ въ пользу другихъ. Обложеніе рублевымъ окладомъ каждой жилой хаты, независимо отъ своей тѣсноты, имѣло то существенное неудобство, что предметъ обложенія — хата давала необычайно неопредѣленную величину при распредѣленіи податей; хата сама по себѣ не указывала еще на доходы ея хозяина, а платя тѣмъ рубль одинаково взимался отъ каждой безъ разбора хаты, съ бѣдныхъ и имущественныхъ, съ „грунто-рыхъ“ и подсосѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и слѣхъ, которые ушли въ безвѣстныя мѣста.

Малороссійское духовенство какъ бѣлое, такъ и монашеское, въ яркихъ краскахъ изображаетъ все тѣ бѣдствія, какія приходится переносить духовенству отъ обложенія его подданныхъ рублевымъ окладомъ. Прежде всего, рублевому окладу подлежали даже дома священнослужителей¹⁾. Затѣмъ, при указанномъ способѣ взиманія повинности, оказалась подлежащими рублевому окладу, наравнѣ съ мирскими и духовными, и довольно имущественными подданными, живущими въ „своихъ хатахъ, при опредѣленныхъ имъ для хлѣбопашества и для другихъ выгодъ грунтахъ“,

масса „подусѣдковъ“, „дворовыхъ людей, всякаго званія служъ и работниковъ“, „не имѣющихъ собственныхъ своихъ угодь“ и живущихъ „изъ найму временно при надсматриваніи хлѣба, садовины, огородины, пчель и скота хозяйскаго на хозяйскомъ хлѣбѣ и отоплѣнїи и прочемъ издержаніи“¹⁾. Рублевый окладъ принуждены платитъ монастырскіе „бобыли (между которыми и многіе суть увѣчные) не имѣющіе папешной и сѣнокосной земли и никакой скотины, которые кормятся и одѣваются одною только своею рогою и живутъ одною только избушкою“²⁾. Обложеніе рублевымъ окладомъ такихъ безземельныхъ, проводящихъ свой вѣкъ на чужихъ хатахъ, являлось не только не справедливымъ по отношенію къ людямъ земельнымъ, но также превышающимъ ихъ податныя способности; изъ такихъ лицъ до введенія рублевого оклада платили только подусѣдки „за лѣтніе мѣсяцы по двѣ копейки, а за зимніе по четыре копейки въ годъ съ хаты“ на консистентскія дачи³⁾.

Рублевый окладъ ложился тяжелымъ гнетомъ на экономическое положеніе духовенства. Для уравниванія обложенія „между владѣльческими подданными дѣлаются отъ владѣльцевъ рублевого окладу расположенія по имуществу каждаго или убогихъ приходится платитъ въ-полы и меньше рублевого оклада, а инымъ по бѣдности ничего не останется“. Но такое расположеніе податной суммы пропорціонально имуществу плательщиковъ не можетъ примѣняться съ усиліемъ къ бѣдному духовенству, такъ какъ „между священническими людьми, яко равными, ничего у себя неимѣющими, о всякаго рублевый окладъ равно взыскивается“. Последствиемъ неравномѣрнаго отягощенія подданныхъ у различ-

¹⁾ Сб. стр. 416, 470.

²⁾ Сб. стр. 561.

³⁾ Сб. стр. 446.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ДУХОВЕН. ВО ВТОР. ПОЛОВИНѢ ХУДШ. В. 115

паче владѣльцевъ было бѣгство крестьянъ къ тому владѣльцу, у котораго было легче. Дворовые „священническіе“ поны больше отъ подданныхъ владѣльческихъ будучи оглашенными, съ жилай священническихъ иные безвѣстно, а иные подъ владѣльцевъ для меньшаго оклада сходятъ“. А священники принуждены бываюгъ оплачивать рублевый окладъ за пустыя хаты собственными деньгами, а иногда, чтобы удержать у себя своихъ людей, платятъ и за паче рублевый окладъ, выбирая его медленню въ теченіе года; но послѣднее могли практиковать лишь лица болѣе состоятельныя. Результатъ отъ всего этого получался самый печальный,—духовенство, оставаясь безъ рабочихъ, принуждено было „лишаться не токмо съ земли своей прибыли, но и самой той земли“, должно было бросать занятіи земледѣліемъ, что не могло оставаться безъ вреда на его матеріальныхъ интересахъ ¹⁾.

Не меньше приходилось терять и монастырямъ отъ лишненія рублевыхъ окладомъ монастырскихъ подданныхъ, наемныхъ работниковъ и разнаго званія слугъ. „Монастырское слуги и работники наемные, какъ вольные люди, оглашенные рублевымъ окладомъ, уходятъ до срока со службы ²⁾ и не хотятъ служить при монастыряхъ за прежнюю плату, а требуютъ большей. „За крайнюю нужду“ въ такихъ работахъ монастыри принуждены гратъ на наемъ ихъ аммы, предназначенныя на „содержаніе церквей и на пожитіе при нихъ священно-и церковно-служителей“ ³⁾.

Помимо тяжести рублевого оклада монастырскіе подданные не свободны были отъ злоупотребленій чинowników, и отъ навязанныхъ сборовъ. Указами 1749 и 1755 годовъ запрещено было консистентскія дачи взимать не натурою, а

¹⁾ Сб. стр. 446, 577—578.

²⁾ Сб. стр. 574.

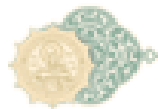

теми же по статской цѣбѣ, и притомъ „не на полный комитетъ, но на наличное число людей, монашей и генералитета“. Но не смотря на то, что „на однихъ только наличныхъ консистентовъ произвожденіе съ обывателей быть должно бѣ, но оное произвожденіе, оставшееся отъ комплекта по расположенію, что при обывателяхъ оставалось долженствовало, въ скорбь войсковой взыскивано и нѣмѣ взыскуется, починая оное за доимку, такимъ образомъ съ подданныхъ вимается двойная дача—указанная доимка и рублевый окладъ“ ¹⁾. Кромѣ денежныхъ повинностей монастырскіе подданные приуждены были нести множество различныхъ „натуральныхъ повинностей“, ложившихся на нихъ тяжелымъ бременемъ. Монастырскіе подданные, по требованіямъ великороссійскихъ, такъ и малороссійскихъ командъ, „ежеасяго наряжаются и отираваются на границу для дѣланія маяковъ, заѣзжъ, рогатокъ и другихъ пограничныхъ работъ, а притомъ для строенія находящимся по форностамъ старшинамъ, казакамъ и солдатамъ избѣ и лошадамъ конюшенъ, такожъ употребляются на разныя казенныя и войсковыя potreбы, рубку въ лѣсахъ дерева и къ выводу онаго, да и ко всякимъ починкамъ дорогъ и мостовъ и гатей и прочихъ съѣздовъ съ горъ и выѣздовъ по дорогамъ“ ²⁾.

„Отъ великихъ, жалуются монастыри, налагаемыхъ на подданныхъ монастырскихъ сборовъ приведены они во всеграницанную нищету и скудость и, не могущи снести непоспоспосной, прежде небывалой тягости и видя слѣдующую имъ къ имѣнію нищету, зачѣмъ и пропитанія дальняго съ людьми и дѣлами не лишиться и въ послѣднее не придти убоженно, приуждены съ подѣ владѣнія монастырскаго или по другому бѣжать, и по большей части за границы уходить или переходить „къ мѣрскихъ владѣльцевъ“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 170—171

²⁾ Тамъ же, стр. 171—172

которыхъ „подданные всякими образами отъ тягостей занимаются“. Насколько было велико бѣгство крестьянъ, видно изъ того, что „съ подвладѣнія монастырскаго при иноу монастырь сошло до двухъ сотъ семей“. А оставшіеся на своихъ мѣстахъ разоряются еще болѣе, принужденные платить и за себя и за ушедшихъ односельчанъ, уплачивая „сверхъ рублевого оклада иногда съ единой хаты на два и на три рубля“. Неуплата же податей навлекла на село иззекуцію, причѣмъ приходилось содержать иззекуторскія команды, доставляя имъ пищу, фуражъ и т. п. При этихъ иззекуціяхъ нередко случалось, что монастырскіе управители, воиы, подданные заключались безъ разбора въ тюрьмы и содержались вмѣстѣ съ ворами и разбойниками. Вслѣдствіе бѣгства крестьянъ въ иныхъ монастырскихъ вотчинахъ „весьма малое число подданныхъ находится, а иные уже совсѣмъ опустѣли“; а монастыри отъ этого терпятъ убытки и приходятъ въ разореніе и „крайнюю скудость, церкви Божіи и монастырскія обветшалыя строенія безъ починковъ остаются и своего благолѣпія лишаются¹⁾).

Описаніемъ претерпѣваемыхъ монастырями бѣдствій наполнены многія страницы пунктовъ, жалобы ихъ на свѣтскихъ начальниковъ, особенно великорусскихъ, гнутся, можно сказать, безъ конца. Въ своихъ жалобахъ монастыри весьма полно и рельефно изобразили всю силу господствовавшего въ Малороссіи беззаконія, власть сильного и положеніе личности и имущества слабого и беззащитнаго населенія.

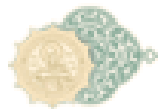
Какъ далеко простиралась разнузданность всевозможныхъ чиновниковъ, видно изъ указа Анны Іоанновны. Многие „разныхъ чиновъ люди, читаемъ въ кievскихъ пунктахъ, посягаютъ съ зѣвшими жителями безсовѣстно, чи-

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ище великия обиды и разоренія. берутъ нагло подводы безъ порожняхъ и безъ платежа прогоновъ и харчъ и фуражъ бесценно, и многихъ невинныхъ людей напрасно бьютъ и увѣчаютъ жестокими побоями, а нѣкоторые нападками своими и вилки берутъ деньгами, вѣщами, лошадьми и скотомъ, иные же насильствомъ своимъ отнимаютъ хутора, земли, срубы, мельницы, лѣса, рыбныя ловли, заводы не только владѣльческіе, но и церковныя и монастырскіе, и вымогаютъ у безгласныхъ людей, яко-то: у вдовъ, у сиротъ и у прочихъ. крѣпости на тѣ ихъ имѣнія, на свои и на посторонныя имена“¹⁾. При такомъ господствѣ произвола мѣстной власти и разнаго рода чиновниковъ, монастыри не были свободны отъ всевозможныхъ злоупотребленій со стороны мѣстной власти. Такъ, по указамъ 1757, 1758, 1759 и 1761 годовъ Малороссіи, и въ томъ числѣ духовенство, должно было поставитъ для арміи воловъ „по дворовому и бездворныхъ хатъ числу“. При этомъ не обошлось безъ злоупотребленій со стороны мѣстной администраціи. Старшины, обыкновенно, безъ всякаго предварительнаго согласія и вѣдома хозяевъ, производили въ буквальномъ смыслѣ слова „съ многочисленною командою“ на монастырскія имѣнія, стояли „цѣлыхъ селъ скотскія череды и сами собой“ выбирали воловъ, произвольно оцѣнивая стоимость ихъ по самой низкой цѣнѣ; „но и по той оцѣнкѣ поданныя даже по сего времени (т. е. до конца 1767 года) платежа не получали, „не смотря на неоднократныя представленія въ Малороссійскую коллегію“²⁾. Въ 1751 году въ Кіевѣ были размѣщены гарнизонныя полки, не реформированныя потомъ въ баталіоны, въ которыхъ положено было по 12 лошадей „для тяжелыхъ по гористымъ и песчанымъ

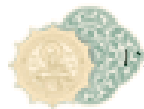
¹⁾ 16 стр. 179.²⁾ 16 стр. 181.

мѣстамъ перевозокъ“. Для продовольствія полковыхъ лошадей было предписано за извѣстную плату монастырямъ „заготовлять на каждую лошадь по 50 копенъ сѣна, за пемѣніемъ около Кіева казенныхъ сѣнокосныхъ луговъ“. Монастырское духовенство охотно соглашалось на это, если бы злоупотребленіе властей не отнимало у него охоту къ казеннымъ поприщамъ. Обыкновенно („уже то пошло въ такой законъ“) полковое начальство, сознавая свою силу, позволяло себѣ брать съ монастырскихъ луговъ сѣно „не только для тѣхъ полковыхъ лошадей, но и для своихъ“, ежегодно требуя отъ монастырей „отвода сѣнокосныхъ луговъ по близости къ Кіеву, а иногда для кошенія онаго сѣна и людей, а для возки къ нимъ того сѣна подводъ“ ¹⁾). Жаловались монастыри на хищническое истребленіе лѣсовъ, на потравы луговъ, на вылавливаніе рыбы въ озерахъ. „Нынѣшнихъ временъ, читаемъ въ кіевскихъ пунктахъ, военнослужащіе и великороссійскіе, так и малороссійскіе старшины, на конюшенныя по формостамъ и на другія строенія, на жженіе углями, на куреніе смолы, на дѣланіе мостовъ и гатей, на строеніе мряковъ и засѣкъ монастырскіе лѣса безъ отвода нарочно посылаемыми во многомъ числѣ людьми рубятъ безденежно. Рейгары и другихъ чиновъ люди въ тѣ жъ монастырскіе лѣса многимъ числомъ вѣзжаютъ и всякое дерево, къ хорошему строенію потребное, на трова и на прочія надобности рубятъ безъ всякой пощады и тѣмъ обиды монастырямъ причиняють ²⁾). „Военно-служащіе въ монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ рыбу вылавливають, захотѣли и сѣнокосныя монастырскія земли, стени и луга копенными и воловыми ползовыми табунами (въ которыхъ иногда бываетъ и болѣе двухъ тысячъ головъ), на пастбу на все мѣсто выгоняемыми, соннають и оустонають, и такъ съ лошадьми и волами

¹⁾ Сб. стр. 197–198.

²⁾ Сб. стр. 190.

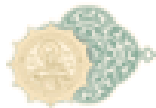
распространяется, что инымъ монастырямъ и одной скопинь монастырской выпустить бываетъ негдѣ; монастырскія земли подлѣ строенія будто-бы казенныя сами собою, безъ вѣдома и отвода монастырей, гдѣ хотятъ занимаютъ и на нихъ двоны заводятъ, а нныя церковныя монастырскія земли и вовсе отнимаютъ; да и въ дѣлѣ на монастырскихъ пахатныхъ и другихъ земляхъ, безъ отвода, лагерями, гдѣ хотятъ становятся“ 1). Жаловались монастыри и на то, что они вымнувшую турецкую войну издержали болѣе грехъ тысячи рубчей на наемъ подводъ подъ различныхъ пословъ, и что ни деньги остались имъ невозвращенными 2).

Въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображаютъ пунктъ экономическое положеніе малороссійскаго духовенства, обусловливаемое тяжестью различныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Если даже и допустить, что духовенство тѣмъ слишкомъ стусидо краски, сдѣлавъ преувеличенія, по указаннымъ имъ соображенія, а также представленіе о томъ какъ взыскивались, при торжествѣ произвола мѣстной администратціи, различныя денежные и особенно натуральныя повинности, говорятъ сами собою о тяжести государственныхъ повинностей, превышавшихъ податныя способности церковныхъ и монастырскихъ подданныхъ. Всѣ указанныя повинности, крайне необходимы для Россіи, были тяжелы для Малороссіи, и, въ частности, для духовенства, особенно монастырскаго, такъ какъ онѣ, изнуряя послодитыхъ покривали вмѣстѣ съ тѣмъ и содержимыя ихъ руками хозяйства духовенства. Поэтому духовенство и хлопотало объ отѣлѣ податей и повинностей и о возвращеніи къ тому времени, когда оно пользовалось въ этомъ отношеніи поощреніемъ 3).

1) См. стр. 484.

2) См. стр. 497.

3) См. стр. 441, 441, 482, 483, 491, 496, 497, 562-5, 571, 574, 575.

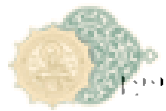
къ тому, чтобы обезопасить себя на будущее время отъ этихъ сборовъ и повинностей, сдѣлать ихъ болѣе или менѣе невозможными. Мы имѣемъ въ виду просьбу духовенства „догославить никогда въ Малой Россіи не бывавшую, малороссійскимъ правамъ и обычаямъ противную, ревизію“ ¹⁾, такъ какъ она въ глазахъ духовенства, главнымъ образомъ монашескаго, была предвѣстникомъ еще новыхъ окладовъ и поборовъ и даже нѣкоторой перетасовки земельной собственности. Причина этого боязливаго взгляда духовенства заключалась въ томъ, что перенесъ эта производилась съ „подробнымъ описаніемъ всего“; ревизоры подробно описывали пахотныя и сѣнокосныя земли, требуя предъявленія письменныхъ крѣпостей на право владѣнія и обстоятельно изслѣдуя „каждый промыселъ и лѣсныхъ угодій способности, количество посѣва хлѣба, дохода, получаемого съ имѣній описывали „работниковъ, дворовыхъ, подсуевдковъ“ ²⁾. (болѣе разумныхъ средствъ помочь своему экономическому положенію духовенство не говоритъ ничего, оно прямо обращало свои взоры на два вѣка назадъ, ко временамъ „Июльмонта Августа“, оставляя безъ вниманія то, что за это время Малороссія въ союзѣ съ Россіей была выведена на совершенно иную дорогу политической и общественной жизни, чѣмъ то было при короляхъ польскихъ).

IV. Права духовенства по суду.

Сообразно съ своей задачей малороссійское духовенство касалось судебныхъ правъ лишь съ сословной точки зрѣнія мало обращая вниманія на недостатки какъ въ формахъ такъ и матеріальномъ правѣ духовнаго судопроизводства. Это понятно, указаніе недостатковъ и исправленіе дѣйствую

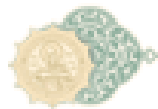
¹⁾ Сб стр 551

²⁾ Сб стр 553

ного права не входило въ его задачу, для него было важно поддержать сословный принципъ въ судѣ, установить границы и широкія границы его дѣятельности. Поэтому въ пунктахъ, касающихся духовнаго суда, на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о расширеніи юрисдикціи духовнаго суда, которая начинала суживаться въ ущербъ интересамъ духовнаго сословія, о положеніи его (суда) въ ряду общихъ судебныхъ мѣстъ въ Малороссіи.

До переворота Хмельницкаго судоустройство въ Малороссіи, какъ и въ другихъ областяхъ южно-русскаго края, было построено на сословномъ началѣ, для всѣхъ сословій существовали свои особые суды. Къ такимъ сословнымъ группамъ принадлежало и духовенство, пользовавшееся своимъ сословнымъ судомъ. По прежнимъ обычаямъ, опредѣлявшимся Литовскимъ Статутомъ, сфера дѣятельности духовнаго суда была очень обширна; его юрисдикціи, кромѣ преступленій противъ вѣры и преступленій, соединенныхъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, подлежали всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, возникавшія „между монашествующими и священно и церковнослужителями, такожъ между архіерейскими и монастырскими служителями и подданными“. Юрисдикціи духовнаго суда подлежали затѣмъ дѣла, въ которыхъ духовенство являлось въ качествѣ обвиняемаго или ответчика, а именно, въ обидахъ, чинимыхъ отъ самихъ духовныхъ лицъ, а также „въ обидахъ, чинимыхъ съ имѣній церковныхъ отъ урядниковъ, слугъ, бояръ, подданныхъ всякихъ чиновъ духовныхъ людямъ чина свѣтскаго, такъ самой шляхты, изъ слугамъ и подданнымъ ихъ, такъ-же мѣщанамъ и инымъ подданнымъ о гвалтѣ, паѣздѣ, разбоѣ, забойствѣ и пр.“ а въ недовольствіи суда и неправоesti рѣшеній, апелляциямъ установлено было до высшихъ духовныхъ судовъ“. Едва ли не всю дѣлу духовныхъ и всякихъ лицъ духовнаго ведомства на лицъ свѣтскихъ рѣшалось въ общихъ су-

и въ городскомъ и земскомъ при участіи духовныхъ судей¹⁾. Такова была сфера дѣятельности духовнаго суда по литовско-русскимъ узаконеніямъ. Не менѣе широкою оставалась на дѣятельность и постѣ, по синодскимъ узаконеніямъ. Въ древней Руси общимъ правиломъ было, что духовный чинъ не посягалъ на судъ духовной власти, кромѣ дѣлъ духовныхъ, и по дѣламъ гражданскимъ и дѣламъ уголовнымъ, до снятія сана. Суду духовной же власти подлежали и свѣтскія лица, входившія въ вѣдомствѣ духовенства²⁾. Съ началомъ преобразованій въ Россіи въ XVIII вѣкѣ стали входить новыя узаконенія, опредѣлявшія новыя отношенія лицъ духовнаго вѣдомства къ государственному суду. Св. Синодъ старался сосредоточить весь судъ нать лицами духовнаго вѣдомства въ своихъ рукахъ и устроить его по сословному началу, насколько это было возможно при новыхъ государственныхъ требованіяхъ. На докладъ Синода государю 1721 года послѣдовала такого рода резолюція: „на которыхъ духовныхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ Синоду, а самимъ гражданскимъ судьямъ ни въ коллегіи, ни въ канцеляріи и никуда ихъ не брать и нигдѣ не содержать, и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ писмѣхъ являть челомъ, токмо въ Синодѣ; такожь архіерейскимъ и монастырскимъ служителямъ и крестьянамъ судомъ между себя и кто на нихъ бить будетъ челомъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, вѣдомымъ быть въ Синодѣ; а на свѣтскихъ, которые невѣдомы въ Синодѣ, крестьянамъ и прочимъ вѣдѣнія синодальнаго какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ бить челомъ тамъ, гдѣ ихъ соперники вѣдомы; а криминальнымъ дѣламъ быть въ Юстицъ-Коллегіи, какъ и прочимъ“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 336—340.

²⁾ Пешковъ, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, стр. 134—139.

³⁾ Тамъ же, стр. 340.

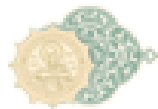
Въ такомъ-же смыслѣ выходили и послѣдующія узаконенія 1723, 1729, 1742 годовъ. Указами этихъ годовъ подтверждалось, что дѣла „о духовныхъ персонахъ, на которыхъ споры какой будетъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ, въ какомъ партикулярномъ злодѣянн“, должны разбираться въ „духовномъ правительствѣ“, также „крестьянамъ архіерейскимъ и монастырскимъ между собой, и кто на нихъ будетъ бить челомъ, судомъ вѣдомымъ быть въ Синодѣ“. Указомъ 1729 года подтверждалось „свѣтскимъ командирамъ духовнаго чина людей ни по какимъ дѣламъ, не токмо по маловажнымъ, но и по важнымъ, безъ вѣдома архіерейскаго или духовныхъ управителей отнюдь не брать, а ежели въ чемъ по какимъ дѣламъ надтежитъ ихъ допрашивать, о тѣхъ сношеніе имѣть, съ объявленіемъ важности дѣлъ“ ¹⁾.

Что же касается до смѣшанныхъ судовъ, то они были постановлены указомъ 1759 года. „Въ приключаемыхъ отъ духовно-монашествующихъ лицъ и священно и церковно-служителей на свѣтскихъ разнаго эванія вѣдомства свѣтскаго людей частныхъ обидахъ и озлобленіяхъ въ указной силѣ челобитныя принимая, при письменныхъ сообщеніяхъ, отсылать въ принадлежацій свѣтскій судъ со опредѣленными отъ себя къ тому изъ духовныхъ персонъ депутатами“ ²⁾. Руководствомъ при такихъ смѣшанныхъ судахъ должна была служить Высочайше утвержденная въ 1764 году полковничья инструкція, гдѣ (2 гл. 12 пунктъ) указывался порядокъ производства „по происходящимъ у разночинцевъ съ воинскими людьми ссорамъ и другимъ дѣламъ“; указомъ Синода было предписано: „вездѣ при слѣдствіяхъ поступать по содержанию оной инструкціи“ ³⁾.

¹⁾ Сб. стр. 511.

²⁾ Сб. стр. 536—537.

³⁾ Сб. стр. 537.

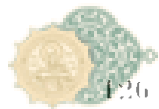
малороссийское духовен. во втор. половинѣ XVIII в. 125

Не смотря на многочисленныя законоенія, опредѣлявшія сферу дѣятельности духовныхъ судовъ, ихъ независимость отъ посторонняго вмѣшательства, духовенство постоянно припущено было терпѣть нарушение и ограниченіе своихъ существенныхъ правъ. Широкая подсудность духовнымъ судамъ соотвѣствовала главнымъ образомъ вмѣшательствомъ свѣтскихъ властей въ дѣла, подвѣдомственные духовному суду.

Сокращеніе это началось съ того, что генералъ Даниилъ Аностоль, вслѣдствіе жалобъ и неудовольствій на лиценцірованіе духовныхъ судовъ при рѣшеніи дѣлъ по искамъ малороссійскихъ обывателей на лицъ духовнаго званія о грунтахъ, дѣсахъ, мельницахъ и прочихъ угодіяхъ, испросилъ въ 1728 году, чтобы такіа дѣла рѣшались по общему порядку въ общихъ малороссійскихъ судахъ¹⁾. Независимо отъ этого, по свидѣтельству пунктовъ, компетенція духовныхъ судовъ стала падать какъ бы сама собою, а общихъ судовъ возрастать. Послѣ указа 1728 года „духовно-монашествующіе и священно и церковно-служители, и архіерейскіе и монастырскіе служители и подданные по вѣдѣмъ, не токмо когда на нихъ малороссіяне въ обидахъ своихъ быють челомъ за грунты и прочія угодія въ суды свѣтскіе, но и когда между самими ими возникаютъ дѣла о земли и грунта и до того хотя малѣйше о касающееся, всѣ они стали быть подъ судомъ свѣтскимъ“²⁾. То же самое явленіе замѣчается и въ области уголовной практики. Несмотря на многіе указы 1723, 1729, 1742, 1762 годовъ, нѣкоторымъ духовенству предоставлено судиться въ вѣдомствѣ „духовной команды, кромѣ криминальныхъ и разбойныхъ и татѣйныхъ дѣлъ“, и увѣщено свѣтскимъ командирамъ духовнаго чина людей „не брать и не допрашивать и не содержать подъ арестомъ безъ обвиненія ихъ винъ и безъ вѣдома архіерейскаго или ду-

¹⁾ Г. 6. 533.

²⁾ Г. 6. стр. 53.

хотимых управителей“, тѣмъ не менѣе оно (духовенство) отложено въ руки свѣтскаго начальства ¹⁾).

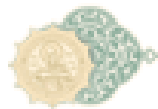
Что же касается до общихъ судовъ, то и здѣсь замѣчается полное отступленіе отъ закона. „Изъ глѣхъ свѣтскихъ судовъ, говорятъ кіевскіе пункты, духовныхъ лицъ и духовнаго вѣдомства всякихъ людей“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ судахъ разбираются дѣла самихъ же духовныхъ лицъ между собою, „свѣтскіе судьи судятъ и расправы дѣлаютъ сами, безъ присутствія между ними кого-либо изъ духовныхъ судей, или по крайней мѣрѣ хотя депутатовъ“ ²⁾. Пренебреженіе свѣтскихъ судей къ духовенству было настолько велико, что согласія послѣдняго не спрашивали даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ судахъ вырабатывались какіе-либо „генеральныя новыя о всѣхъ, въ томъ числѣ и до всѣхъ духовныхъ и духовнаго вѣдомства до всякаго званія людемъ, опредѣленія; то и тѣ опредѣленія сами свѣтскіе судьи безъ присутствія духовныхъ и безъ требованія отъ духовныхъ согласія заключаютъ“ ³⁾. Лишь только по настоятельнымъ требованіямъ духовной власти допускаются депутаты отъ духовенства въ свѣтскіе суды. „Когда духовные и духовнаго вѣдомства люди на малороссійскіхъ вѣдомства свѣтскаго въ приключаемыхъ отъ нихъ обидахъ и озлобленіяхъ подають челобитныя“ въ духовный судъ, и тѣ челобитныя для произнесенія суда и рѣшенія отсылаются въ принадлежаніе свѣтскимъ судамъ, и опредѣляются къ тому изъ духовныхъ персонъ депутаты, то тогда только по тѣмъ челобитнымъ свѣтскіе судьи съ тѣми изъ духовныхъ персонъ депутатами суды и расправы дѣлаютъ“ ⁴⁾. Выѣмательство свѣтскихъ начальствъ иногда простиралось даже въ дѣла чисто духовнаго

¹⁾ Сб. стр. 342.

²⁾ Сб. стр. 539.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сб. стр. 339.

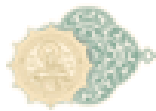
характера, подлежащія духовному суду. Впачаючіе въ преступленія противъ закона Божія, кромѣ другихъ законами опредѣленныхъ наказаній, подлежатъ явному церковному покаянію, какое покаяніе должно налагаться духовной властью. Только, замѣчаютъ пункты, „мірскіе командиры съ виновными по тому не поступаютъ, но, учиня имъ по своему разсужденію каково наказаніе или взявъ штрафы, оставляютъ иногда ихъ свободными, а возложенія на нихъ церковнаго покаянія отъ духовной команды не требуютъ; иногда же таковымъ виновнымъ церковное покаяніе гѣ мірскіе командиры сами по своему разумѣнію, а не по святымъ правиламъ, опредѣливъ, ихъ, виновныхъ, въ монастыри ко исполненію того ими, мірскими командирами, опредѣляемаго имъ покаянія посылаютъ“, присылая, такимъ образомъ, различныхъ сумасбродныхъ людей“ ¹⁾.

Въ такомъ печальномъ положеніи, по изображенію пунктовъ, находилось духовное судопроизводство. Характерною чертою въ данномъ случаѣ являлось то, что упадокъ духовныхъ судовъ происходилъ не въ силу законовъ или указовъ, ограничивавшихъ компетенцію духовныхъ судовъ, а законъ былъ на ихъ сторонѣ, напротивъ, указанный упадокъ происходилъ въ силу самой жизни, допускавшей возможность нарушенія самихъ указовъ. Послѣ переворота, произведеннаго въ Малороссіи казацкими войсками, прежніе польскіе порядки были разрушены, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разрушенъ и прежній сословный принципъ въ судѣ. Преобладающее значеніе на Украинѣ получило казачество, которое и ввело свои собственныя формы войскового суда въ видѣ судовъ сотенныхъ, полковыхъ и суда генеральнаго. Это войсковое судопроизводство замѣнило собою статутные шляхетскіе, магистратскіе, городскіе и земскіе; мѣщанскіе суды—ратушные и магистратскіе утратили прежнюю самостоятельность, завися

въ значительной степени отъ казацкихъ начальствъ въ низшихъ инстанціяхъ и совершенно подчиняясь имъ въ высшихъ, а подъ конецъ даже совершенно слились съ сотенными и полковыми судами¹⁾. При такомъ разрушеніи сословнаго принципа въ судѣ, духовные суды, если и не могли утратить свой характеръ, лишаться своей самостоятельности, то во всякомъ случаѣ и не могли не податься общему теченію исторической жизни. Такъ дѣйствительно и было. Въ 30-хъ годахъ XVIII ст. въ сотняхъ были учреждены особыя сотенныя канцеляріи или правленія, „въ которыхъ все казенная, полицейскія, тяжбыныя и уголовныя дѣла какъ дворянскія, такъ казацкія и духовныя дѣла производились“, такъ что однимъ и тѣмъ же правомъ пользовались и урожденный шляхтичъ, и казацкій старшина, и простой казакъ и погѣ и поновскій сынъ“²⁾. Этому, безъ сомнѣнія, не мало способствовало то обстоятельство, что духовенство въ основномъ отношеніи стояло на одной ступени съ шляхетствомъ и пользовалось его правами. Такое положеніе духовенства не могло, конечно, остаться безъ вліянія и на его права по суду. Съ теченіемъ времени такой порядокъ все болѣе укрѣплялся, такъ что, когда войсковые суды стали непригодными и возникла мысль о ихъ преобразованіи и учрежденіи судоустройства по Статуту, то и тогда мысль о сословныхъ судахъ отсутствовала въ зданіи общества. По враніи мѣрь на Глуховскомъ собраніи 1763 года, когда обсуждался вопросъ о реформѣ суда въ Малороссіи и объ учрежденіи судовъ по Статуту, никто изъ членовъ этого собранія не предлагалъ дѣлать земскихъ судовъ судами

¹⁾ Митропол. Очеркъ изъ истории юридическаго быта старой Малороссіи. Суды, юрисдикція, процессъ и подсудность въ XVIII вѣкѣ. Сборникъ Харьковского Историко-Филолог. Общества. Т. VIII, стр. 67—68. Лонидскій. Очеркъ народной исторіи Малороссіи со 2-го половинѣ XVII стол., стр. 1—6.

²⁾ Митропол. Очеркъ. Хар. Ист.-Фил. Общ. т. VIII, стр. 74—75.

и шляхетскими, каковыми они должны бы были, разъ шель, спросъ объ учрежденіи статутныхъ судовъ. И действительно, въ число сословныхъ группъ, подсудныхъ вновь учрежденнымъ судамъ — городскимъ и земскимъ, было включено и духовенство. Въ четвертомъ пунктѣ гетманскаго универсала 19 ноября 1763 года¹⁾, извѣщающаго объ учрежденіи судовъ земскихъ и городскихъ, было сказано: „всѣ духовныя и мірскіе владѣльцы и прочіе всякаго званія чины во всѣхъ спорахъ за имѣнія и въ прочихъ принадлежащихъ до суда земскаго дѣлахъ должны расправою вѣдомы и судомъ быть въ земскомъ судѣ, а въ прочихъ случаяхъ и претензіяхъ, по расправѣ городского суда принадлежащихъ, также всѣ владѣльцы судимы должны быть въ полковыхъ канцеляріяхъ, почитаемыхъ нынѣ за городскіе суды“²⁾. Слѣдовательно, земскому суду полковыхъ канцелярій принадлежали, на ряду съ чинами шляхетства и казачества, и дѣла духовенства. Такимъ образомъ, упадокъ духовныхъ судовъ стоялъ въ связи съ общимъ измѣненіемъ въ Малороссіи судопроизводства Литовскаго статута.

При упадкѣ компетенціи духовныхъ судовъ и увеличеніи свѣтскихъ, положеніе духовенства въ судебномъ отношеніи было крайне печально. При враждебности сословныхъ интересовъ, при дурномъ состояніи матеріальнаго и процессуальнаго права въ малороссійскихъ судахъ³⁾, нельзя было

¹⁾ О содержаніи универсала дано было знать просвѣщенному митрополиту Черниговскому, епископамъ Черниговскому и Переяславскому и архимандритамъ Киево-Печерскому и Межиборскому. (Миллеръ. Сб. X. II-Фил. Общ. т. VIII, стр. 123).

²⁾ Миллеръ. Стр. 179, 123—124.

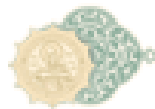
³⁾ Известно, что въ Малороссіи одновременно существовали и неотмѣненное право Литовскаго Статута, и привилегія королей польскихъ, и некодифицированныя обычаи, и „привѣтъ“ и „обычай“, и пункты Богдана Хмельницкаго и послѣдующихъ казаковъ и, наконецъ, масса царскихъ грамотъ, указовъ, правительственныхъ распоряженій. Это разнообразіе законовъ и служило, между прочимъ, поводомъ для злоупотребленій со стороны комиссаровъ, имѣвшихъ цѣлью свести въ одно цѣлое и безъ всякаго малороссійскаго законодательства.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

въ ущербъ своимъ интересамъ, рассчитывать на безпричастіе судей. О томъ, каковы были эти суды, говорятъ свідѣтели кievскихъ пунктовъ. „Въ Кіевской епархіи, вѣрятъ они, не токмо монастырскихъ вотчинъ управителей, псалтирниковъ, войтовъ и всякаго званія монастырскихъ людей, да и священническихъ же слугъ и ихъ подусѣдковъ потчинныхъ же, но и церковныхъ причетниковъ и самихъ духовныхъ персонъ по бываемымъ на нихъ жалобамъ безъ юрисдикціи архіерейскаго и монастырскаго и духовныхъ правилъ и безъ объявленія ихъ винъ, свѣтскіе командиры и равнители, посылая команды казачьи и причиняя побои, вълюбныя мѣста забирають и съ крайнимъ духовному чину поношеніемъ подъ арестомъ (за которымъ будучи иные изъ духовныхъ тамъ-же и померли) и въ тюрьмахъ и острогахъ держать между ворами, разбойниками и смертоубійцами, и плѣнниковъ, а не какъ государственныхъ вѣрноподданныхъ и имѣнія ихъ грабятъ, и чрезъ то духовнымъ и мирскимъ, подъ вѣдомствомъ духовной команды находящимся, много дѣлають обиды и притѣсненія, а духовной командѣ „прѣдѣ“¹⁾, и чрезъ все это „не токмо духовнымъ и мирскому вѣдомства всякаго званія людямъ чрезъ посягательства, волокиты, притѣсненія и отыгтія грунтовъ и земель, а также и самимъ церквамъ чрезъ несправедливыя церковныя имѣнія отчужденія и всегдашніе къ тому происки“²⁾. Поэтому, жалуясь на неустройство и притѣсненія, происходившія отъ слишкомъ снѣзлаго отношенія военныхъ начальниковъ къ судебнымъ правамъ духовенства, „мы не совершенно основательно искали защиты своихъ личныхъ имущественныхъ правъ при помощи своихъ же потчинныхъ судовъ, а потому оно и просило о восстановленіи старой компетенціи духовныхъ судовъ и о сохраненіи

¹⁾ Сб. стр. 542.

²⁾ Сб. стр. 538.

малороссійскою духовен. во втор. половинѣ хѹш в. 131

привилегій духовенства въ этомъ отношеніи; для огражденія же своихъ интересовъ, могущихъ пострадать при рѣшеніи въ общихъ судахъ дѣлъ по искамъ духовныхъ на мірянъ, снова просило объ учрежденіи смѣшанныхъ судовъ съ участвомъ въ нихъ своихъ судей или по крайней мѣрѣ депутатовъ, въ виду того, что указъ Синода 1759 года, допускавшій такіе суды, слабо примѣнялся въ судебной практикѣ¹⁾.

Настаивая на обособленности и неприкосновенности духовныхъ судовъ, духовенство указывало и на нѣкоторые недостатки въ собственномъ судопроизводствѣ, препятствовавшіе свободному отправленію правосудія. Къ числу такихъ недостатковъ относится отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ для явки сторонъ въ судъ. По дѣйствующему праву въ свѣтскихъ судахъ были опредѣлены особые сроки для явки сторонъ въ судъ: четырехъ-недѣльные и шести недѣльные. Въ первомъ случаѣ неявившіеся „истцы и доносители дѣла и искъ свои теряли вѣчно, а отвѣтчики по единымъ искамъ и доносамъ, безъ всякихъ доказательствъ, какъ бы изобличенные осуждались“, въ последнемъ же въ первый разъ подвергались штрафу, а во второй испцы также теряли свои искъ, а отвѣтчики подвергались наказанію²⁾). Благодаря этому, замѣчаютъ пункты, „въ свѣтскихъ судахъ дѣла periodically и безволочитно могутъ производиться“. „Чтобъ-же потому жъ и въ духовныхъ правленіяхъ какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими въ дѣлахъ до духовныхъ правленій принадлежащихъ поступать, на то точнаго указа не имѣется“³⁾). Указанный недостатокъ въ духовномъ судопроизводствѣ печально отражается на отправленіи правосудія. Пользуясь этимъ, „по дѣламъ, духовному суду подлежа-

¹⁾ Сб. стр. 539, 540, 542

²⁾ Сб. стр. 517.

³⁾ Сб. стр. 518.

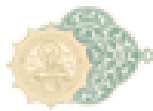
нимъ — носители мірскіе, по многократнымъ требованіямъ и припискамъ, къ доказательству въ духовныя правленія являются и дѣлають многія затрудненія, а чрезъ то повorenнымъ, паиначе духовнымъ, причиняють напрасную волокиту и убытки; такожь по всякимъ духовнаго суда деламъ потребныя къ слѣдствію, допросамъ и къ свѣдѣтельнымъ люди мірскіе по многократнымъ требованіямъ въ духовныя правленія являются отказуются“¹⁾. Не мало испытывали духовные суды неудобствъ и затрудненій въ перепискахъ съ свѣтскими судебными мѣстами относительно вызова свидетелей и истцевъ, именно черезъ то, „что каноннымъ образомъ со всякими свѣтскими правленіями Малороссійскимъ духовнымъ монастырскимъ, протопопскимъ и намѣстничьимъ правленіямъ по дѣламъ списываться, на то точнаго узаконенія не имѣется“. Хотя указомъ Сената 1766 года и велѣно различнымъ судебнымъ мѣстамъ или командамъ высылать требуемыхъ лицъ, причемъ указывалось „высылать за неслышку“ штрафъ, по „и потому отъ свѣтскихъ исполненія не чинится“, и нужныя для слѣдствій въ духовныхъ судахъ лица „отъ командъ не высылаются“²⁾. А въ результатъ всего этого „какъ въ дѣлахъ, духовному суду подлежащихъ, бывають упрѣки, такъ челобитчикамъ и отвѣтчикамъ въ окончаніи суда и къ собранію подлежащихъ справокъ приходится по духовнымъ правленіямъ волокиты“³⁾. Поэтому духовенство и просило, „въ прекращеніе происходящихъ въ духовныхъ судахъ волокитъ, установить, по примѣру Гусскихъ судовъ, сроки для явки сторовъ въ судъ, подергивъ свѣтскимъ командамъ указъ о высылкѣ въ духовныя правленія, потребныхъ къ слѣдствіямъ и къ допросамъ мирскихъ людей“; а также указать форму сношеній духовныхъ правленій со свѣтскими⁴⁾.

¹⁾ Сб стр. 548.

²⁾ Сб стр. 548.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сб стр. 549.

малороссійское духовен. во втор. половинѣ XVIII в. 133

Въ области другихъ процессуальныхъ льготъ духовенство просило объ освобожденіи себя отъ дачи свидѣтельскихъ показаній подѣ присягой и о запрещеніи свѣтскимъ судьямъ требовать явки духовныхъ лицъ въ судъ для дачи устныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя оное религиозное замѣнить письменными показаніями по вопросамъ отъ суда пунктовъ. Не смотря на каноническія постановленія, и на многочисленныя узаконенія гражданской и духовной власти ¹⁾, которыми духовныя лица освобождались отъ дачи свидѣтельскихъ показаній подѣ присягою, „въ свѣтскихъ малороссійскихъ судахъ присутствующіе требуютъ, чтобы монашескаго и священнаго чина люди, какъ и свѣтскіе люди, къ крестному цѣлованію приводимы были, или присягали“ ²⁾. Относительно послѣдней просьбы духовенство указывало на практическое неудобство существовавшаго порядка—на тяжесть судебной обстановки, дальніе вызовы, продолжительныя отлучки, что невыгодно отражалось на пастырской дѣятельности духовныхъ лицъ и на ихъ, „за ихъ убожествомъ“, матеріальныхъ средствахъ ³⁾. Какъ на основаніе своей просьбы духовенство указывало на то, что, по дѣйствующимъ законоположеніямъ ⁴⁾, допускалось возможнымъ, за дальностью разгонія и за трудностью пути, посылать свидѣтелямъ вопросы пункты и по нимъ брать свидѣтельства ⁵⁾.

Въ области матеріальнаго права малороссійское духовенство выразило желаніе, чтобы священнаго и монашескаго чина люди, впадающіе въ такія преступленія, за которыя

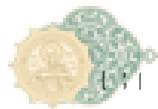
¹⁾ Пункты дѣлають ссылку на правила Карпатскаго помѣстного Собора и Четвертаго Вселенскаго, на Кормчую книгу, на Соборное уложеніе (гл. X, XIII), на права Магдебургскія и Саксонскія, на указъ Петра I 1711 года и указъ Сената 1753 года.

²⁾ Сб. стр. 514.

³⁾ Сб. стр. 515.

⁴⁾ Короныя Констигуція 1588 г и Военный Уставъ ч. 2, гл. 3, пунктъ 16

⁵⁾ Сб. стр. 545

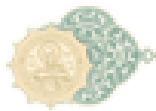

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

они подвергались лишению священства и монашества, извергались бы только изъ своего сословія и не несли бы другихъ наказаній. Но существовавшей же практикѣ, на основаніи указовъ Синода 1723 и 1737 годовъ, такія лица, кромѣ лишенія монашества и священства, отсылались „въ гражданскіе суицы для поступленія тамъ съ ними за тѣ вины такъ, какъ бы съ свѣтскаго чина людьми“. Такая практика, по мнѣнію духовенства, противорѣчила соборнымъ правиламъ, которыми повелѣвалось, „священнаго чина людей, когда они въ смерти въ грѣхъ впадутъ, отъ степени только священства извергати и сводити“ и оставлять въ числѣ мірскихъ людей, не опредѣляя имъ кромѣ того другой казни, за силу писанія, повелѣвающаго не мстити дваци вкупѣ“. Поэтому наказаніе низверженныхъ изъ сана духовныхъ лицъ по русскимъ законамъ являлось нарушеніемъ церковныхъ правилъ и было несправедливымъ, „нечеловѣколюбнымъ“, какъ какъ „таковые священническаго и монашескаго сана люди сугубое прогнѣвъ свѣтскаго чина людей несли наказаніе“ 1).

— — —

Въ такомъ видѣ изображаютъ пункты правовое положеніе малороссійскаго духовенства. Просмагивая все содержаніе пунктовъ, нельзя не видѣть сильно выраженаго духовенствомъ недовольства всѣми существовавшими въ его время порядками. А эти порядки, дѣйствительно, говорили о нападѣ и умаленіи правъ духовенства. Духовенство жалуетсѣя „душевною“ и умаленіе его шляхетскихъ правъ, на его экономическое положеніе, разстроенное различными ограничениями указами, обременительными налогами и злоупотребленіями малороссійскихъ старшинъ и великорусскихъ

чиновниковъ, на стѣсненіе духовныхъ судовъ, вышнательствомъ свѣтскихъ начальниковъ. Изъ всего разсказа духовенства видно, что оно далеко не занимало привилегированнаго положенія въ странѣ, какое принадлежало ему по праву; но выраженію пунктовъ, „самый характеръ священническій и вся ихъ служба ни во что вынѣяется“ и сами духовныя лица являются „какъ-бы ни къ какой службѣ способными. Такимъ образомъ, духовенству отводилась второстепенная роль въ странѣ, оно стояло въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности. Поэтому-то все предложенія малороссійскаго духовенства клонились къ одной желанной и заветной цѣли,—видѣть вновь подтвержденіе всѣхъ „вольностей, обычаевъ, правъ и привилегій“, которыми оно пользовалось по Лиговскому Статуту и грамотамъ королей польскихъ, признанныхъ за нимъ и московскимъ правительствомъ въ 1654 году,—словомъ, къ правамъ и положенію шляхетства.

Наскакивая на признаніи за собою шляхетскихъ правъ, малороссійское духовенство просило наградить тѣмъ-же „правомъ шляхетскимъ“ и церковно-служителей, дяковъ, пономарей и даже церковныхъ ктиторовъ. Духовенство довольно подробно мотивируетъ свою просьбу, просить объ этомъ его заставляло желаніе сдѣлать ихъ полезными и усердными служителями церкви. Дѣло въ томъ, что церковнослужители не были свободны отъ многочисленныхъ общественныхъ повинностей. Хотя указомъ 1722 года и была утверждена принадлежность церковно-служителей къ духовному званію, но и послѣ этого церковнослужительскій классъ состоялъ изъ чрезвычайно разнородныхъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣдомствамъ. Въ Малороссіи причетническое служеніе было возыпопашнымъ ремесломъ. Здѣсь причетники служили по найму, не имѣя никакой части въ доходахъ священника и въ церковной землѣ, и жили на особые средства, предоставлявшія имъ прихожанамъ. Опредѣленіе и увольненіе ихъ отъ должности происходило весьма просто, безъ всякихъ

онени по начальству, и зависѣло всецѣло отъ священника приходами¹⁾. Недостатка въ кандидатахъ на церковно-служительскія должности не было. „По свободности въ Малороссіи съ мѣста на мѣсто перехода, къ церквамъ Божіимъ причетники, дячки и пономари всегда ссылавались такъ простые въ школы, яко и не холостые, по свободной тѣхъ волеи въ Малороссіи грунтовъ купитъ, своими избами, а иле шорами живущіе“. Въ тѣхъ-же случаяхъ, „гдѣ охотно викарихъ въ причтѣ церковномъ не ссылавалось, въ тѣхъ и мірскихъ командъ и отъ владѣльцевъ охотно опредѣлены были дячки, пономари“, такъ что „церкви Божіи въ церковно-служителяхъ никакихъ не имѣли недостатковъ“²⁾.

Къ церковно-служителямъ причислялись въ Малороссіи иже и церковные ктитори, заведывавшіе церковнымъ хозяйствомъ. „При нѣкоторыхъ, говорятъ кіевскіе пункты, приходскихъ церквахъ имѣются церковныя пахатныя и сѣнословныя земли, мучныя кола и на церковныхъ земляхъ поселеніе людей или деревни и слободки, такожъ имѣются на церковной землѣ построенныя торговыя лавки и коморы и другія угодія и братерскіе дома или церковныя шинки, въ которыхъ продаются напитки всегда, или при иныхъ церквахъ, по древнему малороссійскому обыкновенію, продается рассыпной медъ, называемый канупъ, единожды въ годъ во время храмовыхъ праздниковъ для церковныхъ прибылей, а при нѣкоторыхъ церквахъ окозо ограда цвинтарей построены ортоные поселки, и отъ тѣхъ поселковъ бывала на церкви основано у торговщиковъ взимаема положенная годовая дань съ конхъ прибылей, кромѣ исправленія къ церковно-хозяйственнымъ потребностей, строятся и возобновляются церкви и церковное благоустройство, такожъ содержатся при церквахъ для

¹⁾ Записки Прислужное духовенство въ Россіи со времени реформы 1801 г. стр. 11—18.

²⁾ См. стр. 11—12.

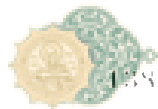
церковникова школы и для немогущихъ себѣ сыскагъ пропитанія госпитали или богадѣльни“¹⁾. Все это обширное церковное хозяйство вѣдалось церковными ктиторами, опредѣляемыми къ церквамъ съ вѣдома духовенства и по волѣ приходами. Эти церковно-служители пользовались льготами въ отпущеніи государственныхъ повинностей: „ктиторы, дьячки и пономари съ казачьяго и посполитаго званія огъ всѣхъ общенародныхъ повинностей и огъ палоговъ въ увольненіи находились“. Освободиле отъ всѣхъ повинностей, они „ничемъ, больше не прилежали, какъ только: дьячки и пономари – отъ пресѣчной услужности въ церковныхъ отпущеніяхъ, а ктиторы, при вольностяхъ своихъ будучи, какъ настоящіе церковные хозяи всякимъ образомъ о цѣлѣсти церковнаго состоянія и подобающаго благодѣнія и всякаго потребнаго достатка старались, дополняя, чего неоставало, изъ собственнаго своего имѣнія“²⁾. Такимъ образомъ, не было недостатка въ церковно-служителяхъ, и „церкви Божіи были въ подобающемъ благодѣніи и достаткѣ, не имѣя никакой нужды въ прошеніи по народу Христа-ради на церкви милостыни, противоумножившихся нынѣ прощаконъ“³⁾.

Но эта стародавняя церковно-приходская жизнь, такъ живо изображенная въ пунктахъ, стала клониться къ упадку, нахозя препятствія къ своему развитію и сохраненію. Съ 1734 года свѣтскіе старшины, по указамъ изъ войсковой генеральной канцеляріи, стали при ревизіяхъ писать церковно-служителей, ктиторовъ, дьячковъ и пономарей не въ спискахъ духовенства, а на ряду съ прочими обывателями, вслѣдствіе такого выдѣленія, церковно-служители причислены были къ полному сословію, „равно какъ и прочіе обыватели“. Церковно-служители, такимъ образомъ, оказались „подверженны-

¹⁾ Сб стр. 491.

²⁾ Сб стр. 453, 575.

³⁾ Сб стр. 153—454.

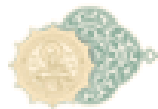
ми общенароднымъ повинностямъ, податямъ и казачьими
студомъ и подданинскимъ работизмамъ, затѣмъ стали ихъ
употреблять въ комиссарскія званія и другіе наряды, и
назначе дячковъ къ исправленіямъ письменныхъ и другихъ
дѣлъ: званіе же ихъ, ктитореѣ, дячковъ и пономарей, остав-
лено на dobroхотство желающихъ быть въ томъ званіи за
свою спасеніе, да за единю только освобожденіе, котораго и
самаго нынѣ не бываетъ, отъ подводъ подъ проезжающихъ и
отъ проводниковъ и другихъ посылковъ“¹⁾. Такимъ образомъ,
они полезные для церкви люди, „не могучи двоихъ должно-
стей—церковной и общенародной—снести“, принуждены бы-
ли оставлять свои церковническія званія²⁾.

За разрушеніемъ института свободнаго ктиторства и вольно-
наемнаго дячества, послѣдовало разстройство въ сложныхъ
церковныхъ дѣлахъ и хозяйствѣ. Уходъ дячковъ и поно-
марей печально отразился на порядкахъ отправленія богослу-
женія, съ ихъ уходомъ священники лишились необходимыхъ
помощниковъ при совершеніи своей службы и для содержа-
нія въ чистотѣ и исправности храма. „Ни единой, говорятъ,
пункты, почитать, такой церкви нѣтъ, которая-бы была удо-
влетворена всѣми потребными дѣйствительными церковными
служителями, могущими, по званію своему, въ должныхъ
первоначальныхъ потребахъ безпретятственно сгратись“, такъ
что священники принуждены бываютъ пользоваться услугами
„орозвищихъ съ мѣста на мѣсто школьниковъ“³⁾. Школьники,
или, какъ ихъ именовали еще, „выростки школьни“, „мо-
лодцы“, представляли собою вольную артель особаго рода
развѣдывающихъ, владѣвшихъ кое-какимъ школьнымъ образо-
ваніемъ и промывавшихъ дячествомъ и учительствомъ.
Но были во большинствѣ части, молодые люди, не избравшие

¹⁾ Сб. стр. 131.

²⁾ Сб. стр. 131—132.

³⁾ Сб. стр. 131.

малороссийское духовен. во втор. половинѣ хѣн в. 139

ны себя опредѣленныхъ занятій и странствованій, по обычаю того времени, „для поощренія болѣе свѣта и ученія и поческого обхожденія“. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ церковникамъ и учителямъ даровой причѣтъ въ церковныя домѣ (школы), за что требовали отъ нихъ, чтобы они „услуживали церкви Божіей“ и занимались обученіемъ вѣрующихъ дѣтей. Надоѣдало имъ это занятіе—они уходили иначе или принимались за другое ремесло; одни изъ нихъ становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею. Вообще это была убогая братія, способная даже на воровство¹⁾. Услугами такихъ-то лицъ и приходилось пользоваться священникамъ, за неимѣніемъ настоящихъ причетниковъ, „хотя, замѣчаютъ пункты, и не безъ опасности и не безъ случаевъ въ церковной имѣ повѣренности. Но яко и таковыхъ мірскія команды привлекаютъ подѣ свою власть и въ суду своему, и употребляютъ ихъ во всякія наряды и письменныхъ и другихъ дѣлъ къ исправленіямъ, и привлекаютъ имѣ обиды и налоги, что и переходить имѣ съ мѣста на мѣсто болышоу бываетъ причиною“²⁾. Вслѣдствіе всего этого „священники сами, не по приличію сана своего, службу пономарскую во время всенощныхъ, утренъ и вечеренъ исправляютъ, а къ литургіямъ въ господскіе и высокаторжественныя дни приправиваютъ другихъ со стороны какихъ людей“³⁾, а иногда „бываютъ церковно-служенію не то что повсяднешнему, но и въ нарочитые высокаторжественныя дни осгановки“⁴⁾.

Ухожь церковныхъ ктиторовъ, наблюдавшихъ за церковными доходами, за имѣніями, за устройствомъ церквей,

— — —

¹⁾ Левинскій Очерки народной жизни въ Малороссіи Стр. 284—287.

²⁾ Сб стр. 454.

³⁾ Сб стр. 576.

⁴⁾ Сб стр. 454.

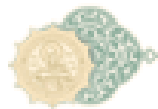

а хорошимъ содержаніемъ кладбищъ, также школы и бога-дѣицы, печально отразился на сложномъ церковномъ хозяй-ствѣ. Въ кнѣзюры опредѣлялись „самыя послѣдніе скудные люди: съ казаковъ—казацкіе предпомощники, а съ посполи-ныхъ—крайне нищетыя, отъ конхъ, по причинѣ общенарод-ныхъ повинностей и за свою нищету, кромѣ единой услуж-ности, чтобъ въ праздничные дни ходить съ кошелькомъ по церкви и испросить что на вино да на ладошъ, никакого обилія къ церквамъ старательства не бываетъ“¹⁾. Въ ре-зультатъ всего этого „крайнія бываютъ неудобства и нема-ленькіе уроны въ церковномъ имѣніи, и церкви Божіи отъ вре-мени въ большую приходятъ ветхость, безобразіе и крайнее разореніе и въ такое многіе принеи уже неспособны, что за опасность и священнослуженію претати слѣдуетъ, а многія-жъ церкви, лишаея добраго смотрѣнія порядковъ, съ единого не-посмотра со всѣми угварыи церковными въ конецъ погорѣли“²⁾. Поэтому малороссійское духовенство и просило опредѣлить за общими духовныхъ и мірскихъ лицъ выборомъ „изъ первѣй-шихъ въ приходахъ людей добрыхъ и пожиточныхъ“ кнѣзо-ровъ, изъ каждой церкви по два человека, а также опредѣ-лить „надлежащее число тѣхъ настоящихъ и искусныхъ пѣвчовъ и пѣвчихъ пономарей“; а чтобы они могли „всякъ свою тогость исправлять дѣйствительно и безпречаственно“, просили исключить ихъ „изъ вѣдома и суда свѣтской коман-ды“ и опредѣлить ихъ „въ вѣдомъ и судомъ по всему въ духовную команду“, и притомъ, пока они въ тѣхъ званіяхъ будутъ, уволить отъ всѣхъ общенародныхъ повинностей и платежей, отъ рублевого оклада, отъ казацкихъ службъ, по-мѣщическихъ работъ, отъ постоявъ и пр. „и быть имъ по тѣмъ правамъ шляхетскимъ“³⁾.

¹⁾ Сб. стр. 15.

²⁾ Сб. стр. 16.

³⁾ Сб. стр. 16.

Образованіе.

Кромѣ просьбъ о возвышеніи положенія въ странѣ духовнаго сословія, малороссійское духовенство выставило нѣсколько пунктовъ относительно образованія и просвѣщенія, положеніе котораго заставляло желать много лучшаго, ибо вслѣдствіе невниманія правительства къ просвѣщенію, уровень образованія и самыя образовательныя средства, по присоединеніи Малороссіи, не увеличивались, а, напротивъ, приходили въ упадокъ. Просвѣщеніе въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, въ его рукахъ сосредоточивались все просвѣтительныя средства страны отъ низшихъ школъ до высшихъ. Первоначальнымъ мѣстомъ образованія въ Малороссіи были приходскія школы. При той организаціи приходской жизни¹⁾, какая была въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, школа являлась необходимой принадлежностью каждаго прихода, каждой приходской церкви. О количествѣ ихъ можно судить по ревизскимъ полковымъ книгамъ половины XVIII вѣка, которыя даютъ довольно точныя свѣдѣнія о числѣ школъ. Такъ, въ 1740—1748 годахъ такихъ школъ было: въ нѣжинскомъ полку 117 школъ, въ дубенскомъ 172, черниговскомъ 158, въ потавскомъ 98, переяславскомъ 119, прислуцкомъ 69, миргородскомъ 37 школъ, итого въ семи полкахъ 870 школъ²⁾. Изъ указаннаго количества школъ можно видѣть, что при каждой почти городской и сельской церкви находилась и школа³⁾. Принимая во вниманіе малочисленность приходовъ

¹⁾ См. кievск. пункты 10, 15, 16.

²⁾ Захаревскій. Статистическія свѣдѣнія объ украинскіяхъ народнѣхъ школахъ и госпиталѣхъ въ XVIII вѣкѣ. Основа 1862 годъ, Мѣя, стр. 83—87.

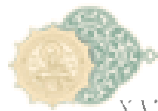
³⁾ Такъ, въ чеховской сотнѣ Переяславскаго полка было 1 мѣстечко и три села, въ нихъ 3 школы, въ дѣпиднискій сотнѣ—одно мѣстечко и село и въ нихъ 2 школы, въ бубновской сотнѣ мѣстечко и 3 села, въ нихъ—1 школа въ домановской—мѣстечко и два села, 3 школы. (Тамъ же

сравнительно съ нынѣшними, слѣдуетъ сказать, что пропорциональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ количеству населенія было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ нынѣшнее отношеніе земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Эти приходскія школы, служившія мѣстомъ первоначальнаго образованія, были цѣломъ исключительно прихода и въ административномъ и учебномъ отношеніи не подчинялись никакому высшему народу и руководству, ихъ лишь контролировали громады (прихожане) и приходскій священникъ. Такимъ образомъ, духовенство принимало ближайшее участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Приходскій священникъ, какъ главное лицо въ приходѣ, стоялъ во главѣ школы, былъ ея главнымъ заведующимъ и руководителемъ. Ближайшимъ же ея управителемъ и учителемъ былъ приходскій дякъ, бывшій профессоральнымъ учителемъ, учителемъ по ремеслу, и называвшійся потому „панъ бакаляръ, панъ директоръ“ (названія, обозначающія учительскую должность и должность начальника школы). Подъ его непосредственнымъ начальствомъ и руководствомъ находились школяры (школьнички), какъ мѣстные, по преимуществу сироты и безпріютныя дѣти, жившіе постѣ обученія грамотѣ выѣсть съ дякомъ въ школу, въ видахъ изученія всей практики и науки дяководства, такъ и приходские, странствующіе съ мѣста на мѣсто. Всѣ они, во главѣ съ приходскимъ дякомъ, составляли одну большую артель своего рода ремесленниковъ, и подъ ихъ то руководствомъ и совершалось обученіе „людскихъ дѣтей“¹⁾. Этого и сформировалась народная жизнь типъ школы къ половинѣ

— —

¹⁾ Гриняковскіи Очерки быта малороссійскаго духовенства въ XVIII в. Рук. дѣлосек. № 1864 г., т. III, стр. 232—233. Ловицкій, Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст., стр. 285—287. Житовскій Странствующіи школьники въ старой Малороссіи. Киевская старина 1892 г. № 1. Сухомлиновъ. Училища и народное образованіе въ Черниговской губ. Журн. Мин. И. Пр. 1864 г. X I.

XVIII вѣка стало разлагаться и приходило въ упадокъ, вместе съ упадкомъ приходской жизни. Вслѣдствіе причисленія къ податному сословію церковно-служителей, постыдніе, какъ было указано, должны были оставлять свои церковническія званія. Уходъ дьяковъ, этихъ профессиональных учителей, печально отразился и на школьномъ дѣлѣ, школы остались безъ учителей. Кромѣ того упадокъ школъ пронёхотилъ вслѣдствіе различныхъ матеріальныхъ невзгодъ. Съ церковныхъ имѣній, въ томъ числѣ и со школъ, стали выскочиваться рублевый окладъ, школы стали отводиться подъ постой для солдатъ, что, разумѣется, не могло не отражаться печально на успѣхахъ ученія. Съ упадкомъ же церковныхъ доходовъ, изъ которыхъ одни были отмѣнены, другіе счѣснены правительственными мѣрами или же злоупотребленіями свѣтскихъ властей, а съ уходомъ церковныхъ старостъ, завѣдывавшихъ церковнымъ хозяйствомъ, стало почти невысказаннымъ и самое содержаніе школъ ¹⁾.

Относительно высшаго образованія говорятъ кievскіе и черниговскіе пункты. Кіевскіе пункты прежде всего просили сохранить неприкосновенной и подтвердить особой грамотой существованіе Кіевской Академіи, подтвердить пожалованныя ей высочайшія грамоты, королевскія привилегіи и гетманскіе универсалы ²⁾. Извѣстно, что Кіевская Академія, возникнувъ въ началѣ XVIII вѣка въ качествѣ братской школы, вскорѣ же получила значеніе національнаго учрежденія, поставившаго своей задачей отвлекать малороссійское юношество отъ обученія въ латинскихъ школахъ и готовить защитниковъ православія. Такой характеръ Академіи сразу поставилъ ее на почетное мѣсто, и на сохраненіе ея существованія малороссійскій народъ сталъ смотрѣть какъ на сохраненіе

¹⁾ Сб стр. 464—466, 463—454

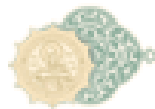
²⁾ Сб стр. 527

польно-русской народности отъ полонизма и католичества. Поэтому въ договорахъ и конституціяхъ съ поляками вставлялся постоянно вопросъ о ея неприкосновенности и равенствѣ въ правахъ съ Академіей Краковской. Такъ, по Варшавской сеймовой конституціи 1659 года, ей прелюбовлено право пользоваться „преимуществами и вольностями“ Академіи Краковской, съ тою льготой, что въ ней не будетъ профессоры и студентовъ другихъ исповѣданій кромѣ православнаго. Это положеніе Академіи подтверждалось и послѣдующими королевскими привилегіями, русское правительство, по прошеніямъ малороссійцевъ, также утверждало права и привилегіи Кіевской Академіи ¹⁾. Указанный характеръ Академіи продолжала сохранять и въ XVIII вѣкѣ, и составители пунктовъ теперь обращались съ просьбой о новомъ подтвержденіи ея правъ. Дѣло въ томъ, что русское правительство вообще подозрительно относилось къ малороссійскому образованію и къ самой чистотѣ православія, предполагая, что въ Кіевской Академіи, гдѣ въ основу были положены ладино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чужныя воззрѣніямъ русскаго правительства. Поэтому, еще въ XVIII вѣкѣ, когда получено было въ Москвѣ „челобитіе“ о возобновленіи, т. е. поддержаніи пришедшихъ въ упадокъ кіевскихъ школъ, московское правительство предлагало: „хуже бы тѣхъ школъ не заводить“, если только это не будетъ въ оскорбленіе кіевскимъ жителямъ ²⁾. Это подозрительное отношеніе къ малороссійскому образованію продолжало существовать и послѣ. Въ инструкціи Румянцеву Екатерина II писала: „небезызвѣстно, что обучающіеся богословію и овирѣбляющіе себя зѣсь къ чинамъ духовнымъ въ самихъ малороссійскихъ училищахъ по развратнымъ

¹⁾ Сб. стр. 521.

²⁾ Сб. Голубовскій. Кіевская Академія въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. стр. 13.

малороссийское духовен. во втор. половинѣ XVIII в. 145

правиламъ римскаго духовенства заражаются многими ненавистнаго честолюбія началами“ ¹⁾).

Сообразно указанному значенію, Академія являлась учрежденіемъ общесословнымъ; она служила не одѣмъ только членамъ духовнаго сословія, въ ней одинаково находили приютъ себѣ дѣти знатныхъ старшинъ, шляхетства, духовенства, казаковъ и посполитыхъ. Въ школахъ „Кіевской Академіи, говорягъ пункты, не токмо священническіе, но, по большей части, старшинскіе, казачьи и посполитскіе или обучаются“ ²⁾). Процентъ дѣтей собственно духовенства былъ довольно незначительный: приблизительно тридцатый ³⁾).

Не смотря на то значеніе, какое имѣла Кіевская Академія, она, по изображенію пунктовъ, сильно бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи. Академія, главнымъ образомъ, содержалась на средства Вратскаго монастыря, который давалъ учителямъ Академіи квартиру, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и столъ и содержалъ нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ; большей помощи онъ оказать не могъ, такъ какъ его собственное матеріальное положеніе было далеко неудовлетворительнымъ. Затѣмъ учителямъ много помогали митрополиты, выдавая имъ консоляціи и представляя имъ часть сборовъ съ вѣнечныхъ памятей, были и другія, часто случайныя, средства содержанія, но всѣ они, по сознанію самихъ профессоровъ, были не особенно удовлетворительными ⁴⁾). Поэтому составители кіевскихъ пунктовъ и просили объ опредѣленіи Академіи такого же содержанія.

¹⁾ Словарь, Ист. Рос. т. XXVI, стр. 46.

²⁾ Сб. стр. 532.

³⁾ Такъ въ половинѣ XVIII вѣка, въ 1742—43 уч. году изъ 902 студентовъ Академіи дѣтей духовенства было 258, въ 1743—44 г. изъ 1100 студентовъ этой духовенства было 338. (Винниевскій, Кіевская Академія въ 1 половинѣ XVIII вѣка. Стр. 95, 291)

⁴⁾ Винниевскій, Кіевская Академія въ 1 половинѣ XVIII в. стр. 47—67.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III 1904 г.

такое выдавалось тогда Академіи Московской, и о выдаче ректору и учителямъ пріостановленнаго съ 1764 года жалованья въ размѣръ 50 рублей деньгами и 50 московскихъ четвертей ржи, какое жалованье установлено было еще въ 1694 году царевичами Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами ¹⁾).

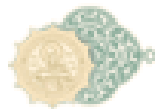
Печальное экономическое положеніе Академіи отражалось и на ея учебной части. За недостаткомъ матеріальныхъ средствъ она не имѣла надлежащаго штата преподавателей; многія науки, какъ-то языки еврейскій, греческій, нѣмецкій, французскій, латинскій и польскій, исторія, географія и арифметика преподавались одними и тѣми же лицами, что, конечно, вредно отражалось на успѣхахъ ученія ²⁾. Кроме того, нѣкоторые изъ преподавателей, кромѣ профессуры, обременены были службою, какъ священнослужители, поэтому, за скоплениемъ занятій по Академіи, не могли посвящать много времени своей пастырѣ и удовлетворять жаждѣ ея къ духовной проповѣди. А эта жажда была, дѣйствительно, велика. „въ большую церковь (Братскаго монастыря) въ высокочестивнѣе праздничные и воскресные дни, для полученія отъ проповѣдуемаго слова Божія душеспасительнаго наставленія, стекается съ великой жадностію многочисленный народъ, а еще вѣстною и мѣлкимъ временемъ, когда изъ разныхъ сторонъ разныя лигесы для богомолья приходятъ“. Поэтому пресвященный митрополитъ находилъ нужнымъ учредить при Академіи должности двухъ спеціальныхъ проповѣдниковъ, на особомъ жалованьи ³⁾).

Въ не менѣе печальномъ положеніи, по изображенію пунктовъ, находилось просвѣщеніе въ черниговской епархіи. Авторы черниговскихъ пунктовъ указывали, что Коллегіумъ,

¹⁾ Сб., стр. 530, 528.

²⁾ Сб., стр. 529, 530.

³⁾ Сб., стр. 530.

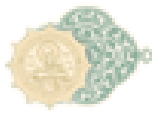
устроения „ты писавшися въ словесехъ наукъ Рос-
сийскаго юношества“, не можетъ отличать своимъ явнымъ
недостатку, за скудостью средствъ, въ помѣщеніи и пре-
подавателяхъ. Построенный въ 1700 году Черниговскій Колле-
гіумъ разчитанъ былъ только на одинъ классъ реторики
и помѣщался въ четырехъ каменныхъ избахъ. Съ откры-
тіемъ же въ 1749 году класса философіи и съ увеличе-
ніемъ числа учащихся, помѣщеніе Коллегіума стало крайне
тѣснымъ и неудобнымъ и требовало настоятельнаго расши-
рения, чего, за тѣсною каедры, гдѣ помѣщался Коллегі-
умъ, и за отсутствіемъ средствъ, сдѣлать было невозможно.
Поэтому еще въ 1739 году было сдѣлано представленіе
Синоду объ обращеніи черниговскаго Пятницкаго монастыря
въ мужской и о переводеніи въ него Коллегіума. Резолюціи
Синода на означенное представленіе по различнымъ обстоя-
тельствамъ не послѣдовало вплоть до 1768 года, и Колле-
гіумъ попрежнему помѣщался въ четырехъ, уже прише-
вшихъ въ крайнюю ветхость, избахъ, въ которыхъ помѣща-
лись классы реторики по переѣмамъ съ классами греческаго
и нѣмецкаго языковъ; „а философія, за неимѣніемъ для нея
особливой избы, преподавалась въ границѣ каѳедральной“. Въ
виду тѣсноты и неудобства помѣщенія Коллегіума чер-
ниговское духовенство снова повторяло просьбу о перенесеніи
его (Коллегіума) въ Пятницкій монастырь.

Въ связи съ матеріальнымъ упадкомъ, зависѣвшимъ отъ
скудости средствъ Коллегіума, такъ какъ производившійся
на него сборъ „столь скуденъ, что и содержащихся на
ономъ прокормленіи неимѣющихъ учениковъ нищело и дро-
лами совершенно удовлетворять не можно“, находимся не-
достатокъ въ преподавателяхъ, которыми обыкновенно бы-
ли лица монашествующія. Въ первое время, по основаніи
Коллегіума, находилось достаточное число ученыхъ монаховъ
на занятіи преподавательскихъ должностей, которые тру-
дились изъ-за одного послушанія или въ надеждѣ награды

иудейскими и архимандричьими мѣстами. Теперь же, жалуются составители пунктовъ, „толь великая въ довольно ученыхъ монахахъ скудость, что едва ректора и префекта выбрать можно“. Прочіе же всѣ преподаватели почти всѣ свѣтскіе, которые живутъ „на весьма маломъ жалованьи“ лишь временно, до присканія болѣе лучшаго мѣста. Поэтому въ Коллегіумѣ происходятъ частыя перемѣны въ преподавательскомъ персоналѣ, что весьма вредно отражается на учебномъ дѣлѣ. Описавъ бѣдственное состояніе просвѣщенія въ черниговской епархіи, авторы пунктовъ просили „ради большаго распространенія въ отечествѣ учений и ради умноженія учащихся пользы“ прибавить классъ богословія къ существовавшимъ классамъ реторики и философіи, читать кромѣ греческаго и нѣмецкаго еще языки еврейскій и французскій и математику и учредить должности учителей „на приспособомъ государевомъ коштѣ“ ¹⁾.

Въ связи съ просьбами духовенства о поднятій образованія въ Малороссіи, находятся просьбы о развитіи книгопечатанія и книжнаго обращенія, о которыхъ духовенство заботилось по мотивамъ религіознымъ и чисто просвѣтительнымъ. Авторы кіевскихъ пунктовъ указывали на необходимость завести при кіевскомъ митрополитѣ типографію. Какъ на историческую справку они указывали на то, что право на содержаніе типографіи при кіевской митрополіи митрополитъ имѣлъ давно, „аки собственно до должности, дѣла же и чина архіерейскаго принадлежаще“. Но если при митрополитѣ каведрѣ теперь нѣтъ типографіи, то это потому, что сначала было достаточно типографій—въ Печерской Лаврѣ, въ монастыряхъ Спаскомъ Новгородскомъ, Черниговскомъ, Ильинскомъ, въ Виленскомъ и другихъ заграничныхъ монастыряхъ и при Могилевской каедрѣ, затѣмъ,

¹⁾ 16 стр. 565—567.

но и того, какъ часть упомянутыхъ типографій закрылась, а другая перешла въ унию, типографія не открывалась по какому-нибудь случайнымъ причинамъ, которыя теперь не имѣютъ мѣста. Теперь-же нужды просвѣщенія настаиваютъ на необходимости имѣть типографію: это, во-первыхъ, недостатокъ богослужебныхъ книгъ и книгъ религіознаго содержанія въ Россіи, а равнымъ образомъ, и за границей, въ Польшу и Пруссію, и, во-вторыхъ, отсутствіе въ Кіевской Академіи необходимыхъ книгъ для обученія юношества различнымъ наукамъ и языкамъ. Духовенство чувствовало большой недостатокъ въ исправленныхъ богослужебныхъ книгахъ, о чемъ оно неоднократно дѣлало представленія, но безуспѣшно. Но особенный вредъ отъ недостатка въ исправленныхъ книгахъ происходитъ среди православнаго населенія Польши, оторваннаго отъ своихъ епископовъ, такъ какъ тамъ употребляются книги мѣстной печати съ большими отступленіями отъ догматовъ вѣры, по которымъ и управляется богослужение „съ грѣхомъ и соблазномъ народа православнаго“. Существовавшая же типографія при Печерской Лаврѣ не въ состояніи удовлетворять многочисленнымъ требованіямъ „монастырей и церквей и особенныхъ благочестивыхъ людей“ и отказывается исполнять заказы, возвращая деньги обратно.

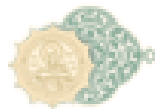
Не меньшій недостатокъ въ учебныхъ книгахъ чувствуется и Академіей. „Въ Академіи Кіевской, говорятъ цѣлители, кромѣ преподаваемыхъ на латинскомъ діалектѣ ученій, обучаются нынѣ еврейскаго, греческаго, французскаго и польскаго языковъ, поэтому для Академіи необходимы книги на этихъ, да наипаче на греческомъ языкѣ купно съ латинскимъ в славянскимъ или польскимъ діалектомъ; такожь необходимы и переводы, которые къ наставленію и просвѣщенію обучающагося юношества“ полезны и нужны. Въ виду сего еще въ 1633 году королемъ Владиславомъ, между прочимъ, утверждено было „быть при Кіевскомъ Братскомъ

монастырь какъ школамъ, такъ и друканѣ, то есть типографіи“. Но всѣ указанныя „потребныя необходимо юношескія книги“ въ Малороссіи не печатаются, „а изъ иныхъ странъ получаютъ съ великимъ трудомъ и коштомъ“. Недостатокъ въ учебныхъ книгахъ сильно затрудняетъ обученіе, дакъ „въ преподаваемыхъ въ Академіи Кіевской ученіяхъ остановка бываетъ“. Въ силу указанныхъ соображеній, кіевскіи митрополитъ и прочіе „дозволилъ ему типографію въ своей Кіевской епархіи завести, и въ ней церковныя и прочія духовныя на русійскомъ и греческомъ, и для удовольствій въ Академіи Кіевской учителей и учениковъ на латинскомъ польскомъ, русійскомъ и на другихъ языкахъ потребныя учительныя книги, такожъ ученыхъ людей сочиненія и переводы печатать¹⁾).

Что же касается до образовательнаго ценза малороссійскаго духовенства, то пункты даютъ намъ только нѣсколько указаній. Говоря о той пользѣ, какая происходитъ „отъ ученія въ Академіи Кіевской производимаго“, кіевскіе пункты замѣчаютъ, что „въ Малороссіи толкое число учительныхъ священниковъ изъ оной Академіи произошло, что вси полковыя города епархіи кіевской безвужно оными снабжены и прочіе малые города и мѣстечки едва не вси, такожъ и нѣкоторыя лучшія села таковыми же людьми, съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящимися пользуются“²⁾. Изъ этого замѣчанія слѣдуетъ заключить, что большая часть городскихъ священническихъ мѣстъ была занята лицами, получившими школьное образованіе. Что же касается до приходскаго сельскаго духовенства, то къ нему указанное замѣчаніе должно быть относимо съ большимъ ограниченіемъ. Хотя и въ селахъ бывали священники съ высшимъ образованіемъ (см., напр., Перетца, Истор.

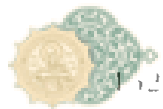
¹⁾ Тамъ же, стр. 514—519

²⁾ Тамъ же, стр. 519

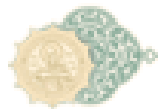

ны изд. и мат. т. III, С.П.Б. 1902 г.), по сельское духовенство, можно сказать, было мало образованно, получая образованіе въ сельскихъ приходскихъ школахъ подъ руководствомъ дьяка. Причина этого заключалась какъ въ самомъ устройствѣ духовныхъ школъ, такъ и въ положеніи приходскаго духовенства и въ старинномъ порядкѣ замѣщенія приходовъ. Кіевская Академія, какъ выше было указано, по мысли своихъ основателей и по внутреннему устройству, была учрежденіемъ не сословнымъ, духовнымъ, но общественнымъ, предназначеннымъ одинаково для всѣхъ сословій, поэтому и образованіе въ ней давалось не столько спеціальное, пастырское, сколько общеобразовательное. Семинаріи Черниговская и Переяславская не имѣли даже богословскаго класса. Дѣти свѣтскихъ сословій даже преобладали въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и, по окончаніи курса, если не поступали въ монашество, возвращались, по большей части, въ свое сословіе, такъ-что духовенство весьма мало получало отъ своихъ школъ ученыхъ кандидатовъ священства ¹⁾. Кромѣ того, воспитанники малороссійскихъ училищъ, считавшихся лучшими между возникшими тогда духовными семинаріями, уходили на дороги болѣе видныя и болѣе выгодныя, чѣмъ скромное поприще сельскаго священника. Дѣтямъ духовенства, затѣмъ, былъ открытъ доступъ въ другія сословія, они поступали въ военную и гражданскую службу. Многие изъ обучавшихся въ Академіи Кіевской, говорятъ пунгты, по указамъ взяты и опредѣлены къ разнымъ должностямъ; по указамъ Синода съ 1754 года болѣе трехъ сотъ студентовъ отпущено въ медико-хирургическую науку. Не проходитъ ни одинъ почти годъ, котораго бы здѣшней Академіи студенты самопроизвольно не отпускаемы были въ лекарическую науку. Изъ тѣхъ же студентовъ не малое число

¹⁾ Крыжановскій Очерки изъ бѣта малор. духовенства Рук. для сельск. 1884 г. т. III, стр. 215—241

находились въ переводческихъ при разныхъ мѣстахъ и въ учительскихъ званіяхъ при классахъ шляхетнаго духовнаго корпуса и при Московскомъ университетѣ, а нѣкоторые для продолженія и полученія высшихъ наукъ ради пользы отечества отправлялись въ Германію¹. Изъ Академіи выходили учителя для вновь образованныхъ великорусскихъ семинарій, студенты Академіи поступали въ полковые священники, или въ капелланы къ русскимъ посланцъ при иностранныхъ дворахъ, поступали въ законоучители въ шляхетскіе корпуса¹). Такимъ образомъ, для нуждъ мѣстныхъ духовныхъ школы давали весьма мало лицъ съ высшимъ образованіемъ; да и эти немногіе набирали себѣ монашество и занимали по монастырямъ архимандричьи и игуменскія должности. Жизнь же въ качествѣ приходскаго священника, по сознанію самихъ же пунктовъ, представляла изъ себя мало привлекательнаго, такъ что, „за многими священству нуждами, мало кто изъ учительныхъ въ священномъ чинѣ былъ желаетъ“²). Неблагопріятенъ былъ для ученыхъ кандидатъ священства и самый способъ заученія приходовъ. Пархціальная власть, при опредѣленіи кандидатовъ на священническое мѣсто, должна была считаться съ древнимъ обычаемъ приходовъ самимъ себѣ избирать священнослужителей, тѣмъ болѣе, что этотъ обычай вошелъ для себя поддержку въ указѣ Аппы Іоанновны, запрещающемъ насильно назначать поповъ и діаконъ безъ согласія старшины, владельцевъ и прихожанъ. По сознанію пунктовъ, этотъ обычай въ Малороссіи былъ настолько силенъ, что прихожане и владельцы производимыхъ въ священныя чины безъ присутствія старшины, владельцевъ и прихожанъ „къ церквамъ приходскимъ не допускаютъ, а представляютъ на мѣсто ихъ послушныя, или свѣдомыхъ“, а если и бываешь, что при-

малороссійское духовен. во втор. половинѣ хѣт в. 153

имѣютъ такихъ лицъ, назначенныхъ безъ ихъ вѣдома, то не токмо къ прожитію дворовъ не опредѣляютъ, но и къ построенію оныхъ земель не отводятъ“. Зная объ этомъ, сами учащіеся въ школахъ, „къ бытію въ священномъ чинѣ охоты не имѣютъ“ ¹⁾.

Поэтому духовенство и предлагало, за примѣніемъ на- сѣщаго числа ученыхъ кандидатовъ священства, консистор- скихъ „канцелярскихъ служителей, желающихъ быть въ чинѣ священническомъ, хотя бы они и въ школахъ не обучались, или и обучались, да ученія не совершили, за канцелярскую службу, считать въ числѣ ученыхъ, совершившихъ ученіе“ ²⁾. Такимъ образомъ, хлопотало и о томъ, чтобы лица, окончившія богословское и философское ученія, назначались на священническія мѣста „безъ избранія и безъ презентовъ и безъ согласія старшинъ, властителей и прихожанъ по однимъ аттестатамъ ректора и учителей“ ³⁾.

Средства содержанія духовенства (приходскаго).

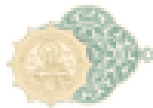
Относительно средствъ содержанія приходскаго духо- венства пункты выставили весьма важную просьбу о возста- новленіи существовавшаго до 1765 года порядка вознаграж- денія служебной дѣятельности духовенства. Порядокъ этотъ, по изображенію пунктовъ, состоялъ въ томъ, что „по древ- нему малороссійскому обыкновенію въ селахъ, гдѣ живутъ нашенные люди, годовая подать была имъ, священникамъ, отъ рукоположеніемъ ихъ, отъ прихожанъ добровольно приобретаема и отдаваема всякаго рода хлѣбомъ, отъ много- холина по четвертигѣ, а отъ много меньше въ годъ, отъ сѣлаго по его имуществу и хлѣбопанству, отъ неимущихъ

¹⁾ Сб. стр. 535

²⁾ Сб. стр. 523.

³⁾ Сб. стр. 536.

ле своего хлѣбопашества—деньгами, по пяти и по двѣ копейки; за грѣбы же церковныя, яко-то: за крещеніе, погребеніе, кѣзачаніе и прочее былъ отдаваемъ каждому священнику доходъ такимъ числомъ, каково кому при его избраніи въ священство отъ прихожанъ добровольно-жъ было поспунаемо, а въ доношеніяхъ и выборахъ писано; въ городахъ же и мѣстечкахъ, гдѣ хлѣбопашенныхъ людей меньше, а живутъ больше чиновные, мастеровые и торговые люди и другіе разночинцы, отъ коихъ не было определенной хлѣбной годовой подати, довольствовались священники едиными покровольно поспавляемыми за преподаніе требъ денежными походами, которые свободно отъ всякаго обывателя договоромъ, по его достатку, получали¹⁾. Такимъ образомъ источникомъ содержанія приходскаго духовенства былъ его договоръ съ прихожанами. Договоръ этотъ имѣлъ значеніе юридическаго акта, какъ заключенный формально и утвержденный официальнымъ путемъ, и былъ обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, слѣдовательно, былъ гарантированъ отъ злоупотребленій. Всѣ договоры священника съ прихожанами касаются, съ одной стороны, платы за требы, съ другой роковщины—сбора хлѣбомъ разъ въ годъ. Такого рода договорами, при самомъ избраніи священника на должность точно и строго опредѣлялся размѣръ годового дохода (роковщины) и вознагражденія за совершаемыя требы, и тарифы цѣльномъ вносились въ договоръ. Плата за требы и роковщина не были разъ навсегда строго опредѣленными: они то повышались, то понижались, смотря по расположенію прихожанъ къ своему пастырю и по ихъ матеріальнымъ состояніямъ. Средній ихъ размѣръ можно видѣть въ договорѣ 1745 года прихожанъ села Черняховъ (Кіев. у.) съ священникомъ Михаиломъ Малецкимъ. По этому договору при

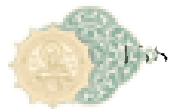

МАЛОРОССИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВО ВТОР. ПОЛОВИНѢ XVIII в. 155

хочаще обязались платити: за сорокоустъ три руб., за унисъ въ субботникъ (поминанье) полтину, за похоронъ великій гривну, за похоронъ малый 5 коп., за панихиду великую съ службою гривну, за панихиду простую 5 коп., за вычтаніе отъ первобрачныхъ гривну, второбрачныхъ 2, отъ третобрачныхъ 3, за освященіе пасокъ по копѣйкѣ или по денешу, за крещеніе отъ кума или кумы 1 ал., за исповѣть кофѣйку или денежку. Роковщины отъ пары воловъ по полтѣ дощницы мѣры кievской. отъ плуга или четырехъ воевъ по дощницѣ, какои кто можетъ хлѣбъ дать, а отъ пѣнаго по 5 копѣекъ¹⁾. Въ общемъ селскія общины не были скупы по отношенію къ своему пастырю, размѣры платы за требы возвышались вмѣстѣ съ разнѣгомъ погребностей. Такъ, въ 1712 году общества сель Козюва, Студениковъ и Леяковъ обязались платити за требы: за сорокоустъ 6 копѣ, субботникъ копу, похоронъ великій полтѣ-золотою, вычтаніе своей парохіи полтѣ-золотою²⁾, а въ 1761 году прихожане села Самовицы уже обязались платити: за вычтаніе въ своей парохіи по 20 копѣекъ, за сорокоустъ 3 руб., за похоронъ великій по 10 копѣекъ, за субботникъ 60 коп. и т. п. Оба эти договора составлены селами (пынѣш. Цереклава. у.), лежащими въ сравнительно близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ одной полосѣ и находящимися почти въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ; отсюда отърывается возможность сличенія платы за требы и опредѣленія ихъ измѣненій. Сравнивая оба эти договора

¹⁾ Кривжановскій. Очеркъ быта Рукъ для сельскъ пастыр 1864 г. т II стр 451—452 Сюда не входятъ добровольныя приношенія прихожанъ, которыя получили начало въ свободныхъ и тиныхъ расположеніяхъ, отъ доплато употребленіи, переняти въ обычай и сдѣлались вполне обязательными для прихожанъ теми приношеніями быть обставлены почти каждый обрядъ церковны (там же стр 445)

²⁾ Кона 2½ золотыхъ, 10 золотыхъ — 1 р., золотой = 30 гршамъ в окладѣ 1 в 1 год. 1 гроша въ 1/2 18 в 1 грошъ 2 коп. российской монеты

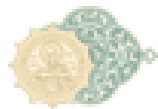
А между тѣмъ духовенство обязано было взносами въ пользу казеннаго, на содержаніе проглаголескихъ и памѣстничихъ правленій¹⁾.

Отсюда попятно недовольство духовенства вновь установленной таксой и желаніе быть при прежнемъ способѣ вознагражденія его пастырской дѣятельности. Получавшихся при существованіи таксы, доходовъ было крайне недостаточно для обезпеченія духовенства. „Съ тѣхъ однихъ доходовъ, комиссіею положенныхъ, говорятъ пункты, какъ могутъ священнослужители себя одѣяніемъ и пищею содержать“. Доходъ нныхъ священниковъ, живущихъ при пятидесяти приходскихъ дворахъ, „въ годъ и на полтора рубашному не вынесетъ“, а есть приходы, „гдѣ ниже пятидесяти бываетъ приходскихъ дворовъ“²⁾. „Всякъ же священникъ, имѣющій жену и дѣтей, обязанъ себя и домъ свой содержать, снабжать и вѣсть жизнью потребнымъ и по регламенту и указамъ дѣтей своихъ для послуженія отечеству на собственномъ своемъ коштѣ отдавать во училища, потомъ какому чинить по житенскому обряду надлежащій распорядокъ и снабженіе; при томъ же не могутъ они, священники, обойтись безъ погребныхъ служителей и всѣхъ домашнихъ потребностей, да и въ содержаніи себя и дому своего и въ обходѣнн съ народомъ всякаго званія должны быть вежливы и сглагопримны, что все требуетъ и кливенія, и приходу повседневному“³⁾. Тѣ-же средства, каковыми располагали они теперь, далеко не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, какия являются необходимыми для пастыря. Притомъ, при старомъ способѣ содержанія, пишутъ авторы историческихъ писаній, „они, священники, усмотря себя достаточно въ священный чинъ вступали, и съ женами и дѣтьми

¹⁾ Сб. стр. 454, 468, 472

²⁾ Сб. стр. 469, 470

³⁾ Сб. стр. 479

своими нужно потребнаго по мѣрѣ своей не лишались и имѣли на чемъ какъ домъ свой содержать, такъ и дѣтей своихъ по указамъ отдавать во училища и, по способности еликаго, выхъ въ священство, а иныхъ въ службу государству, снабжая ихъ имѣніемъ своимъ и грунтами, производить“¹⁾, а теперь, съ горечью замѣчаютъ они, священники „принуждены во образѣ нищихъ по міру просить милости“²⁾, они „не токмо къ безнужному содержанію себя, но, словомъ сказать, и дневной пристойной нищѣ крайне жить отколь не имѣютъ, о пристойномъ же одѣяніи, отколь она его получить, кромѣ того, что ежели кто пожелаетъ въ милостыню какое бѣдное всеношенное одѣяніе дать, и того не править не откуда“³⁾.

А. Циницъ.

---

¹⁾ Тамъ же стр. 448.

²⁾ Тамъ же стр. 449.

³⁾ Тамъ же стр. 470.